

АСТАНАЙСКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ ВЕСТНИК

№ 2, ФЕВРАЛЬ 2010 г.

www.sobor.kz

По благословению
Высокопреосвященнейшего
Мефодия, Митрополита
Астанайского
и Алматинского.

Редакционная коллегия:
архимандрит Серапион
(Дунай),
иеромонах Модест
(Дроздов).

Учредитель:
Астанайская и Алматинская
епархия.

Адрес редакции:
010000, г.Астана,
пр.Республики, 12 Б,
Константино-Еленинский
кафедральный собор.

Периодическое издание
Константино-Еленинского
кафедрального собора.

Дизайн и верстка
Сотниченко Елена

СОДЕРЖАНИЕ:

НОВОСТИ ЦЕРКВИ

С 16 ПО 18 ЯНВАРЯ СОСТОЯЛСЯ
ПЕРВОСВЯТИТЕЛЬСКИЙ ВИЗИТ СВЯТЕЙШЕГО
ПАТРИАРХА КИРИЛЛА В КАЗАХСТАН.....3

ХРАМЫ НАШЕГО ГОРОДА

КАФЕДРАЛЬНЫЙ СОБОР В ЧЕСТЬ УСПЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ
БОГОРОДИЦЫ.....4

ВСТРЕЧА С ГОСПОДОМ.....4

ВОПРОСЫ СВЯЩЕННИКУ.....5

ХРАМЫ НАШЕГО ГОРОДА

КОНСТАНТИНО-ЕЛЕНИНСКИЙ
КАФЕДРАЛЬНЫЙ СОБОР.....7

НЕДЕЛЯ МЫТАРЯ И ФАРИСЕЯ

ПЕРВАЯ МОЛИТВА ДНЯ.....9

ДОМАШНЯЯ ЦЕРКОВЬ

ПОЧЕМУ Я ВСЕ-ТАКИ НЕ РАЗВЕЛАСЬ.....11

ДУХОВНАЯ ЛЕСТВИЦА

ПОСЕЩЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ РАЗВЛЕЧЕНИЙ.....13

ХРАМЫ НАШЕГО ГОРОДА

ХРАМ ПРП. СЕРАФИМА САРОВСКОГО.....13

ХРАМЫ НАШЕГО ГОРОДА

ХРАМ СВ. АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО.....14

ПРАВОСЛАВИЕ И КУЛЬТУРА

ЗАПАДНИКИ И СЛАВЯНОФИЛЫ.
ВЕЧНЫЙ СПОР.....16

ТРАДИЦИИ ПРАВОСЛАВНОЙ РУСИ

ШИРОКАЯ МАСЛЕНИЦА, ТЫ С ЧЕМ УЙДЕШЬ?.....20

ЛЮДИ И СУДЬБЫ

ПОСЛЕ РАНЕНИЯ, ИЛИ КОГДА БОГ БЛИЗКО.....23

С 16 ПО 18 ЯНВАРЯ СОСТОЯЛСЯ ПЕРВОСВЯТИТЕЛЬСКИЙ ВИЗИТ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА КИРИЛЛА В КАЗАХСТАН

В субботу 16 января 2010 года Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл прибыл с Первосвятительским визитом в Республику Казахстан. Самолет с делегацией Русской Православной Церкви на борту в связи со сложными метеорологическими условиями в Алматы, куда изначально направлялась делегация, совершил посадку в столице Казахстана Астане.

В воскресенье 17 января, в Неделю пред Богоявлением и в праздник Собора 70-ти апостолов, Святейший Патриарх Кирилл совершил чин великого освящения Успенского кафедрального собора столицы Казахстана — города Астаны, после чего возглавил Божественную литургию в новоосвященном храме.

Затем от имени председателя

Сената Парламента Республики Казахстан К.К. Токаева в честь Его Святейшества был дан прием во Дворце торжеств «Салтанат Сарайы» в Астане.

Днем 17 января Предстоятель Русской Православной Церкви и члены сопровождающей делегации прибыли в Алматы.

В Алматинском аэропорту Святейший Патриарх Кирилл ответил на несколько вопросов представителей СМИ. Из аэропорта Святейший Владыка направился в Казахский государственный академический театр оперы и балета имени Абая, где состоялась встреча Его Святейшества с представителями общественности Казахстана.

Вечером 17 января Святейший Патриарх Кирилл посетил Никольский собор города Алматы.

Утром 18 января, в навечерие Богоявления (Крещенский сочельник), Предстоятель Русской Церкви совершил вечерню с чтением тринадцати паримий, Божественную литургию святителя Василия Великого и великое освящение воды в Вознесенском кафедральном соборе Алматы.

Затем в резиденции Президента Казахстана в Алма-Ате состоялась встреча Его Святейшества с Президентом Республики Казахстан Н.А. Назарбаевым, после чего Первосвятитель возложил венок к Мемориалу славы казахстанцев, погибших в годы Великой Отечественной войны. Днем 18 января Святейший Патриарх Кирилл направился в аэропорт Алматы, откуда вылетел в Москву.

**По материалам сайта
www.patriarchia.ru**

ХРАМЫ НАШЕГО ГОРОДА

КАФЕДРАЛЬНЫЙ СОБОР В ЧЕСТЬ УСПЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

Богослужения в этом храме совершаются ежедневно. Вечернее Богослужение начинается в 16.00 (с 14 февраля с 17.00), начало утреннего Богослужения в 8.15. Настоятелем собора является архимандрит Серапион. Священнослужители - иерей Марк, иерей Сергей, дьякон Роман. Храм находится по адресу: г.Астана, ул.Куйши Дина 27.

При храме действует церковная лавка (тел: 35-07-32), в которой вы можете приобрести необходимый церковный товар: свечи, иконы, а также заказать необходимые требы, таковыми являются: таинство крещения, таинство венчания, таинство соборования, отпевание, а также освящение квартир, офисов, автомашин.

Протоиерей Александр ШАРГУНОВ

ВСТРЕЧА С ГОСПОДОМ

Мы знаем из Священного Писания, как совершилось событие Сретения (Лк. 2,22—39). Когда исполнились дни, то есть сорок дней после Рождества Христова, когда совершились семьдесят седмин пророка Даниила, провозвещавшего о явлении в Храме Спасителя мира, — Богомладенец Христос был принесён в Храм. Посвящение Его Богу принесением в жертву горлиц прообразует Крестную смерть — то, что Христос совершит нашего ради спасения.

В Евангелии сказано, что праведный старец Симеон получил обещание от Духа Святого не видеть смерти, пока он не увидит Христа Господня. Его душа искала Господа повсюду, — как невеста в Песне Песней, — на ложе отдохновения, во время чтения Писания, во время молитвы, во время труда. Он искал Его среди уединения полей и в городе, вопрошая о Нем своих единоплеменных, беседуя о Нем, обмениваясь размышлениями на улицах и площадях, учась словам и примеру всех среди всех, ищущих праведности и совершенства. И потому он пришёл по вдохновению Духа в Храм.

Поистине, храм — лучшее место для встречи Превечного Слова и человеческой души. Господа ищут везде, а встречают чаще всего в храме. Мы должны искать Его всюду и во всём, и у всех, обходить всю землю и небо, чтобы прийти, наконец, к месту жилища Божия и обрести Его там. Праведный Симеон пришёл «по вдохновению Духа». И когда Божия Мать принесла Младенца, он тоже принял Его на свои руки. Это любовь, которою люди узнают друг друга, и узнают бесконечно большее. Глядя со стороны, невозможно понять, что происходит. Бог и человек встречаются и соединяются друг с другом

— так что двое становятся как бы одним — Оправдывающий и оправдываемый, Освящающий и освящаемый, Обожающий и обожаемый.

Существует язык любви, которого не понимает никто, кроме тех, кто любит. И душа человека, очищенная прикосновением Духа от всех грехов, становится зрячей — любовью. Все другие чувства, всё, что раньше могло волновать её, исчезает. Она вся захвачена влечением ко Христу, открывающему ей бездну благодати. Ничего не существует, кроме Него и вне Его. Богомладенец — в объятиях праведного Симеона, вернее, праведный Симеон — в объятиях Богомладенца, Который сокровенно сейчас говорит в Церкви всем любящим Бога: «Не старец Мене держит, но Аз держу его, той бо от Мене отпущения просит».

И душа праведного Симеона

поёт: «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко». Он всю жизнь ждал, чтобы отпустил его Господь, освободил от уз плоти, чтобы мог он к самому сердцу прижать Иисуса Христа, Господа нашего. Он знает Духом Святым, что Крест и смерть Христу предстоят — ради спасения и испытания любви всех людей. Но уже сейчас предощущает Пасху Господню, Воскресение Его.

Самое главное в человеческой жизни — увидеть Бога прежде, чем наступит смерть. Мы живём в мире, где тьма греха и смерти. Страшно жить в этом мире, и страшно умирать, пока мы не встретим Бога. Но, когда мы встретим Его, смерть нам не страшна. И самая великая радость для человека — это смерть, когда она — встреча с Богом.

Божия Матерь исполнена радости, потому что Она приносит новорождённого Богомладенца в Храм. Святой праведный Симеон и пророчица Анна благодарят

Бога (и с ними вся Церковь), потому что они увидели в этом Младенце знамение своего спасения. Но через всю эту радость проходит предупреждение о многих скорбях. Оружие пройдёт душу Пресвятой Девы, и этот Младенец будет не только на восстание, но и на падение многих во Израиле.

В этом непостижимая тайна христианской жизни. Святые отцы говорят, что если бы знали люди, какая радость — быть с Господом, то все бы толпами бежали к Нему. И если бы знали, какие скорби ждут их на пути, то никто не решился бы. Подлинность христианской жизни в том, что слёзы и радость — чудесно и страшно близки. Всё остальное — видимость христианства. Способны ли мы постигнуть радость Божией Матери перед лицом оружия, которое пройдёт Её душу? Понимаем ли, что значит хвала праведного Симеона Богу за дар смерти?

Трудно, невозможно благодарить Бога среди скорбей. Но встреча че-

ловека с Богом и человека с человеком совершается любовью. Любовь — радостное страдание. Не мы ищем Бога — Он находит нас и берёт за руку. Не мы избираем Бога — Он избирает нас. Как Христос избрал Своих учеников, так Он избирает нас. Но Он избирает для страдания. Более того, страдание, к которому Он зовёт, слишком велико для нас. Чудо заключается в том, что никто не может понести своего иго, но каждый может помочь понести иго другому и таким образом приблизиться к тайне Креста Христового, к встрече с Богом.

В этом — свет Сретения Господня. Он в Божественной любви, в благодати. Так возлюбил Бог Мир, что дал Сына Своего Единородного на страдания и смерть, чтобы Он мог понести грехи всех людей. Только приобщаясь этой Его любви, можем мы встретить Его и друг друга. И, чем труднее наш крест, тем более мы любимы Богом, тем ближе Он к нам и мы к Нему.

ВОПРОСЫ СВЯЩЕННИКУ

ЧЕГО НЕЛЬЗЯ ПРАВОСЛАВНЫМ?

Отвечает Прт. Аркадий ШАТОВ,
настоятель московского храма св. блг. царевича Димитрия

— Человек приходит в Церковь и обнаруживает, что здесь все не так, как он привык. Многие «нельзя», и он начинает бояться сделать что-то не так. Действительно ли христианина на каждом шагу подстерегают опасности?

— Обычно такое отношение — ничего нельзя и все страшно — бывает у неопитов, у тех, кто только принял христианство. Когда человек приходит в Церковь, для него вся жизнь меняется. При приближении к Богу все преобразается, приобретает другой смысл. Новички задают очень много вопросов — и правильно делают, пото-

му что действительно им все нужно переосмыслить. Потом человек «подрастает» и перестает так много спрашивать. Тому, кто уже имеет какой-то опыт христианской жизни, конечно, проще, он уже чувствует, понимает, что можно, а чего нельзя.

Христианство — не религия запретов, это религия пасхальной радости, полноты бытия. Но чтобы сохранить эту полноту, эту радость, приходится быть очень внимательным и осторожным, избегать тех соблазнов, искушений, которых так много в мире. Апостол Петр говорит христианам: «Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник

ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить» (1 Петр. 5:8). Так что надо, конечно, жить со страхом Божиим и бояться искушений. Осторожность и страх должны сопутствовать жизни христианина.

— Но что же хорошего в страхе?

— Святой Василий Великий говорит, что у человека есть три ступени служения Богу. Первая — ступень раба, когда человек боится наказания. Вторая — ступень наемника, когда человек трудится ради награды. И третья — ступень сына, когда человек делает все из любви к Богу. Авва Дорофей говорит, что можно только переходить с одной ступени на другую. Невозможно сразу запрыгнуть на уровень сыновней любви, не пройдя первые два этапа.

И если эти чувства — страха наказания или желания награды — есть в душе человека, это не так плохо. Значит, доброе начало положено.

В Церкви часто говорится о страхе. В храм, например, надо входить со страхом Божиим. Страх перед Богом не уничтожает любви.

А вот бояться дьявола больше чем Бога — неправильно. Праведный Алексей (Мечев), например, пренебрежительно называл дьявола окайшкой, он говорил: «У нас два врага: яшка (то есть самолюбие, самомнение) и окайшка» — такое пренебрежительное наименование того, кого победил Христос. Бояться искушений, быть осторожным, конечно, нужно, но все должно быть в разумной степени.

— Как понять, где страх обоснованный, а где надуманный? Не бывает ли так, что страх просто парализует человека, и он, вместо того чтобы хоть что-то делать, ничего не делает, боясь сделать «не так»?

— Дьявол протягивает человеку две руки. В одной — возможность быть безгранично распущенным, развязанным, поступать произвольно. Во второй — быть закомплексованным, шарахаться от каждого куста. Надо выбирать средний, царский путь. Классифицировать страхи трудно. Каждый случай индивидуален.

— Где же найти авторитет, к которому можно обратиться с вопросом?

— Мне кажется, для человека ориентиром должно быть мнение его духовника. Каждый должен выбрать себе такого старшего товарища, а лучше — отца, и стараться его слушаться. Христианство — это не просто система умозаключений. Невозможно узнать истину из правильно построенных рассуждений. Наш падший ум может говорить, что мы все делаем правильно, в то время как мы совершаем поступки, противоречащие воле Божией.

Поэтому человеку необходим наставник.

— Но ведь не спрашивать духовника о всяких мелочах!

— Обо всем, что вызывает сомнения, можно и нужно спрашивать. Если вопрос вызван подлинным доверием духовнику, подлинным желанием поступить по воле Божией, тогда любой вопрос возможен. Как дитя приходит к маме и задает иногда самые глупые вопросы, а мама — отвечает. Невозможно составить список вопросов, которые можно и нельзя задавать.

Если духовник считает, что его спрашивают о чем-то незначительном, он может так и сказать: «Знаешь, это не важно, обрати внимание на более существенные вещи». Так тоже бывает.

Хочу еще добавить, что «вопросы по мелочам» смущают людей, которые смотрят со стороны, не зная, что у спрашивающего внутри. Вот они и смущаются — как же так, все время можно-нельзя, можно-нельзя. А чем человек живет? Он, конечно, живет не этими вопросами. Эти вопросы внешние, охранительные.

— А как же независимость? Сегодня можно часто услышать призывы к христианам быть более самостоятельными.

— В Евангелии Господь говорит: «...без Меня не можете делать ничего» (Ин. 15:5). Так что мы люди несамостоятельные. Если у человека есть связь с Богом, то он, конечно, может обходиться без помощи наставников. Но обычно чем выше степень духовного совершенства человека, тем больше он приобретает смирения и слушается советов.

Мы знаем, как святые отцы проверяли намерение преподобного Симеона Столпника подвизаться на столпе. Они послали к нему сказать: «Сойди со столпа». Как только Симеон услышал это повеление, он начал спускаться. А посланные были научены поступить так: если

Симеон не послушается, силой заставить его сойти со столпа; если же послушается, то оставить его стоять. Он самостоятельный или нет? Я видел святых людей. Они были самостоятельными, но удивительно смиренными.

— Как все-таки понять, что можно, а чего нельзя?

— Блаженный Августин, святой Ипонийский, говорил: «Люби Бога и поступай как хочешь». Если человек любит Бога, он уже не может сделать ничего плохого, ему не хочется делать плохое. Когда человек любит Бога и все его чувства, мысли, желания обращены к Богу, плохое не имеет над ним власти.

Но, наверное, никто из нас не может сказать, что он настолько любит Бога, что получил уже совершенную свободу. И поскольку мы любим Его несовершенной любовью, а в какие-то моменты, можно сказать, совсем предаем Его, любим что-то другое, нам нужны правила. Они помогают избегать соблазнов, распознавать зло, стремящееся поработить нас. Ветхозаветные заповеди начинались с отрицания: не убий, не укради, не лжесвидетельствуй. Многое из того, что сейчас в неверующем мире считается нормальным, по правде делать нельзя — блудить, смотреть непристойные фильмы, жить для себя, а не для других, празднично проводить время...

Но, конечно, не правы те люди, которые озабочены только вопросом, чего делать нельзя. Такое «ограничительное» Православие теряет смысл. Жизнь должна быть основана на положительном делании. А это — любовь к Богу, любовь к ближнему, стремление делать добро. Нельзя сосредоточить свою жизнь только на том, чтобы не творить зла. Невозможно просто ничего не делать, в душе не может и не должно быть пустого места. Поэтому, отказываясь от чего-то плохого, необходимо наполнить свою жизнь новым содержанием,

чем-то положительным.

Конечно, внешнее влияет на внутреннее. Но другое дело, что для кого-то сейчас менять стиль одежды не время, сперва надо перестать изменять своему мужу. Наркоману важно перестать употреблять наркотики, а бросить курить, наверно,

он сможет потом.

Создать четкую систему каких-то внешних регламентации невозможно, потому что люди, приходя в Церковь, должны ориентироваться не на эти внешние запреты, а на правильное внутреннее положительное делание.

Отвечает Иеромонах Димитрий (Першин), руководитель информационно-издательского управления Синодального отдела по делам молодежи Московского Патриархата, Москва:

Является ли грехом искусственное оплодотворение — так называемое зачатие в пробирке?

Прежде всего уточним Ваш вопрос. Искусственное оплодотворение предполагает различные методы преодоления бесплодия. «Зачатие в пробирке» — это лишь один из них; его медицинское название — экстракорпоральное (то есть внетелесное) оплодотворение, сокращенно ЭКО. Ответ на вопрос об ЭКО содержится в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви», авторы которой исходили из того, что высшей ценностью является жизнь человека и его душа, а главным принципом — завет Гипократа: «Не навреди». Последнее, в частности, означает, что медицинские процедуры не должны нарушать заповеди.

Три момента представляются здесь абсолютно неприемлемыми:

- создание и уничтожение «запасных» эмбрионов. Эффек-

тивность ЭКО невелика, так что в четырех случаях из пяти его приходится повторять. Вот почему для того, чтобы не подвергать женщин тем рискам, которые связаны с гормональной стимуляцией, в клиниках предлагают сразу создавать «запасные» эмбрионы и замораживать их на случай первой неудачи. Но если «подсадка» удалась, то такие эмбрионы обречены на уничтожение, что недопустимо;

- вынашивание ребенка посредством «суррогатного материнства»;
- использование донорских клеток. Брак — это Таинство двух, в котором нет места для «третьей стороны».

Однако ЭКО можно производить и без этих моментов. «Основы...» не возражают против производства ЭКО, в котором участвуют только родители (никакой «третьей стороны», никаких экспериментов с выбором внешности и других параметров ребенка) и все эмбрионы имплантируются именно матери (а не суррогатной матери) ребенка.

Тем не менее остается такая проблема ЭКО, как повышенная вероятность патологий и заболеваний ребенка, зачатого по этой технологии. Допустим ли эксперимент над человеком без его согласия? Но в случае ЭКО такое согласие невозможно испросить в принципе, поскольку сама жизнь возникает в его результате. Так

**ХРАМЫ
НАШЕГО
ГОРОДА**

КОНСТАНТИНО- ЕЛЕНИНСКИЙ КАФЕДРАЛЬНЫЙ СОБОР

Богослужения в этом храме совершаются ежедневно в 8.15 утреннее и в 16.00 вечернее. В соборе совершают богослужение четыре священника. Священнослужители храма иерей Димитрий, иеромонах Федорит, иеромонах Левкий. При соборе существует воскресная школа для детей, желающие могут записать своих детей для обучения, также желающие могут посещать богословские курсы для взрослых, которые проводятся в здании монастыря на первом этаже. Собор находится по адресу: проспект Республики 12 б. (до Константино-Еленинского собора и храма св. Александра Невского проезд автобусами: 1,3, 21, 23, 25, 31; маршрутными такси: 102, 109, 115, 117 до остановки «Джанибека Тархана») Тел: 53-69-67; 53-72-58.

При храме действует церковная лавка, в которой вы можете приобрести свечи, иконы, книги, а также заказать необходимые требы, таковыми являются: таинство крещения, таинство венчания, таинство соборования, отпевание, а также освящение квартир, офисов, автомашин.

можно ли считать желание получить «своего ребенка» достаточным основанием для того, чтобы его здоровье оказалось под угрозой? Ответ на этот непростой вопрос остается за Вами.

У меня перед глазами несколько примеров повенчавшихся пар — все уже в разводе. Вот и спрашиваю: зачем венчаться? Может, для Венчания недостаточно просто обоюдного согласия, а может, нужно еще что-то в душе иметь?

Венчание, как и любое другое церковное священнодействие, это не магический обряд, не таблетка и не медицинская процедура, которая способна подействовать независимо от веры или намерения людей. В Таинстве Венчания жених и невеста торжественно, перед Богом приносят друг другу обеты вечной верности и вместе со всей Церковью просят у Бога благословения на заключаемый брак. Это Таинство, таким образом, исходит из определенных отношений с Богом — и бессмысленно совершать его, если этих отношений нет. Решению обвенчаться должно предшествовать другое решение — предать свою жизнь, свое настоящее и будущее, свои планы и намерения Господу нашему Иисусу Христу, начать жить в доверии и послушании Ему, повинаясь Его заповедям и молитвенно испрашивая Его помощи. Это очень серьезный жизненный поворот, который проявляется в том, что человек становится членом Церкви, постоянно участвует в ее богослужениях и прибегает к ее Таинствам. Венчание — это органическая часть православной жизни, и бессмысленно прибегать к нему, если нет намерения такую жизнь вести.

Если Иисус — Бог, то кому Он тогда молился? Самому себе?

Господь Иисус молился Отцу, но тут важно отметить, что Он молился как человек. Согласно

Священному Писанию, Господь Иисус одновременно и совершенный Бог, и совершенный человек. Как Бог, Он прощает грехи и дарует вечную жизнь. Как человек, Он устает, нуждается во сне и пище, страдает и, наконец, умирает.

Для нас во многих отношениях очень важно, что Иисус — подлинный человек, представитель человеческого рода. Чтобы искупить наш род, Спаситель должен быть в полном смысле одним из нас, во всем подобным нам, кроме греха. Своим послушанием Он искупает мятеж Адама (и мятеж всех нас). Он молится там, где мы богохульствовали, прощает там, где мы ненавидели, поступает правильно там, где мы поступали как нам удобнее, хранит верность Богу там, где мы изменяли. Господь Иисус, умирает, неся на Себе наши грехи, чтобы мы жили. Он наш Ходатай и Первосвященник — тот, кто является представителем человеческого рода перед Богом (как и Бога перед нами).

Он — Посредник между Богом и людьми, то есть Тот, кто принадлежит обеим сторонам. Он страдает нам в немощах наших, поскольку прожил человеческую жизнь и знает человеческие тяготы, страдания и искушения.

Поэтому, как человек, Господь Иисус молился и продолжает молиться за всех нас.

Церковь постоянно ссылается на Священное Писание; но на то же самое Писание ссылаются и многие другие религиозные группы — от свидетелей Иеговы и мормонов до какого-нибудь Виссариона. Что бы Вы посоветовали человеку, который пока мало знаком с Библией и не может разобраться в том, кто понимает ее правильно?

Один из наиболее очевидных критериев, к которому мы можем прибегнуть, если нам сложно разобраться в толкованиях, предлагаемых разными религиозными

группами, — это преемство веры. Господь говорит: Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее (Мф 16:18).

Основатель Церкви — Христос, и Церковь существует непрерывно со времен Христа. Именно на Церковь Господь возложил миссию свидетельствовать о Его истине: Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века. Аминь (Мф 28:19-20).

Церковь, которую Он основал, непрерывно, со времен Его земного служения, возвещает истину о Нем, научает Его заповедям и крестит во имя Святой Троицы. С момента своего основания и до сего дня Церковь хранит, возвещает, разъясняет и отстаивает веру, однажды (то есть едино-кратно. — С.Х.) преданную святым (Иуд 1:3).

Таким образом, опираясь на слова Самого Христа, мы можем сказать, что критерий — непрерывная преемственность в учении Церкви о Боге и Христе. То есть в I, II, III... XX, XXI веках Церковь неизменно проповедует одно и то же свидетельство о Христе, свидетельство, выраженное во многих исторических документах — от текстов Нового Завета до современных катехизисов.

Христос обещал, что врата ада не одолеют Его Церковь, что Он пребудет со Своими людьми во все дни до скончания века (а не сделает перерыв, скажем, с II по XIX век), что Его люди будут Ему свидетелями, то есть будут открыто возвещать Его истину. Можно ли отнести эти слова к какой-либо из множества религиозных групп, возникших многие столетия спустя после Апостолов? Нет. Есть община, к которой эти слова относятся полностью, — и это Православная Церковь.

Сергей ХУЦИЕВ

НЕДЕЛЯ МЫТАРЯ И ФАРИСЕЯ

ПЕРВАЯ МОЛИТВА ДНЯ

Александр Юрьевич СЕГЕНЬ

Пролетели рождественские и крещенские праздники, зима ещё в разгаре, а мы уже готовимся к грядущему главнейшему событию года — Пасхе Христовой. Основное наше приуготовление к Светлому Христову Воскресению — Великий пост. Но и к нему мы тоже загодя готовимся. Аж четыре недели. И первая из них — воспоминание о мытаре и фарисее, о которых говорится в Святом Евангелии.

Почему именно этой притчей начинает Церковь готовить нас к Великому посту? Потому что в ней как нельзя лучше показал нам Господь истинное благочестие и — напускное, видимое, показное.

Фарисей соблюдал все религиозные установления, постился, подавал милостыню, отмечал в храме все праздники, знал молитвы... Но сам не заметил, как впустил к себе в душу страшный грех гордыни. Он стал с презрением взирать на других, коих считал грешниками, в храме гордо вставал на самом видном месте и говорил Господу:

— Благодарю Тебя, Господи, что Ты сделал меня таким безгрешным, благочестивым. Не таким, как многие и многие другие. Например, как этот презренный мытарь.

Мытарь, то есть сборщик налогов, горестно стоял в углу, боясь поднять взор свой к Богу, и лишь тихонько шептал:

— Боже, милостив буди мне грешному!

Фарисей принадлежал к разряду наиболее уважаемых горожан, а мытари всегда считались нечистыми на руку и всеми презирались. Да кто и когда любил сборщиков податей? Платить налоги, конечно,

надо, но до чего неприятны те, кто их собирает!

Возможно, фарисей и впрямь не имел иных грехов, кроме гордыни, а мытарь весь был в грехах. Но Господу угоднее была молитва мытаря, а не фарисея.

Оглянитесь вокруг себя. И увидите христиан, подобных тому фарисею. Слава Богу, большинство нынешних православных людей осознаёт греховность своей жизни и постоянно пребывает в молитвенном покаянии. Но, увы, есть и возгордившиеся. Такие люди обычно любят делать другим замечания: не так подходишь к иконе, не так ставишь свечку, не соблюдаешь пост, как положено, не знаешь все молитвы и так далее. Замечаний можно придумать бездонное количество.

Но что толку такому, если он и постится строго, и молитвы все знает, и службу, и причащается каждое воскресение! Посты его

пусты, и молитвы не вполне искренни, и Причастие может быть в суд и осуждение, ибо грех гордыни — один из наиболее страшных. Взгляните на икону «Видение прп. Иоанна-Лествичника». На ней принято изображать праведников, восходящих по лестнице на Небо, в Рай светлый. Иные идут в церковных облачениях, иные — в обычных, но поднимаются, слава Тебе Господи, приближаются к райским блаженствам...

Но некоторые из них — глядите, глядите! — сорвались и падают! Летят вниз головой! О ужас! Куда? Во ад!..

Это — те самые фарисеи. Почти добрались до врат Рая, но закружилась голова от духовных успехов, и грех гордыни обуял их.

Один священник рассказал мне о человеке, который поборол в себе грех пьянства, но при этом так возгордился собою, что на всех остальных стал глядеть снизу

вверх: и на пьющих, и на непьющих. Так вот, батюшка с сожалением сказал о нём:

— Избавился от одного беса и не заметил, как тотчас на его место другого назначили. Тот был в чине лейтенанта, а этот покрупнее — майор, а то и полковник!

Не случайно слово «фарисей» обрело ругательный смысл. Так называют всякого ханжу, показушника, лицемера. В Евангелии от Матфея (23, 2—8) Иисус говорит ученикам и народу: «На Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи; итак, всё, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте, ибо они говорят, и не делают: связывают бремена тяжелые и неудобноносимые и возлагают на плечи людям, а сами не хотят и перстом двинуть их; все же дела свои делают с тем, чтобы видели их люди: расширяют хранилища свои и увеличивают воскрилия одежд своих; также любят предвозлежания на пиршествах, и председания в синагогах, и приветствия в народных собраниях, и чтобы люди звали их: «учитель! учитель!» А вы не называйтесь учителями, ибо один у вас Учитель — Христос, все же вы — братья...»

С Недели о мытаре и фарисее начинаются богослужения по Триоди Постной и последующие Недели (воскресные дни) приуготовляют нас к Великому посту. На этой седмице очень хорошо найти и прочесть беседы, посвященные притче о мытаре и фарисее, в писаниях отцов Церкви IV и V веков: свт. Иоанна Златоуста, Кирилла Александрийского, Астерия Амазийского.

В слове Иоанна Златоуста можно найти прямое указание на церковный чин, по которому издревле порядок Евангельских чтений начинается притчею о мытаре и фарисее. «Зло — грешить, — говорит мудрый Златоуст, — но здесь воз-

можно помочь; однако грешить и не говорить о сем есть величайшее зло, ибо тут помочь невозможно».

В IX веке Никомидийский митрополит Георгий написал канон на Неделю о мытаре и фарисее. И сейчас он читается в православных храмах.

Очень хорошо написал об истинных и мнимых богомольцах святитель Николай Сербский (Велимирович): «Создавший людей больше любит, чтобы люди перечеисляли Ему свои грехи, а не свои добрые дела. Ибо Бог есть Врач, спешащий к постели всякого из нас и спрашивающий: «Что у тебя болит?» Мудр тот человек, который воспользуется присутствием Врача и поведает Ему обо всех своих болезнях и немощах; и скудоумен тот, кто, скрывая свои болезни и немощи, похвалится пред Врачом своим здоровьем. Как будто врач посещает людей из-за их здоровья, а не из-за их болезней!»

Посему будем мудры и, вставая на молитву к Богу, будем стоять, как пред самым лучшим и самым милостивым Врачом, заботливо и с любовью вопрошающим каждого из нас: «Что у тебя болит?» Поведаем Ему, не медля, о своих болезнях, своих ранах, своих грехах.

Наиболее тяжко болящие менее всего понимают, что они больны. И при телесной болезни человек в сильном жару не осознаёт ни себя, ни своей болезни. И безумный никогда не скажет о себе, что он безумен.

Итак, поразмысли обо всём этом, услышь притчу Христову и сам рассуди, насколько она обращена к тебе. Если ты с удивлением скажешь: «Эта притча ко мне не относится», — значит, ты в начале болезни, коя зовётся неправдою. Если ты с негодованием скажешь: «Я-то праведен, а это относится к тем грешникам вокруг меня», — значит, твоя болезнь в самом разгаре. Если же ты, покаянно ударяя

себя в грудь, ответишь: «Воистину, я болен и имею нужду во Враче», — значит, ты на пути к выздоровлению. В таком случае не бойся — ты выздореешь.

«Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди». Так дерзает говорить в храме пред лицом Божиим грешный человек! И так фарисей своею молитвой не достиг того, чего хотел. Он показал не красоту своей души, но её уродство; не здоровье своё явил, но свою болезнь.

Разве и сегодня нет среди нас людей, кои молятся Богу точно так же, как молился этот фарисей? Разве мало таких, кои начинают свою молитву с обвинений и хулы на своих соседей, а завершают похвалою самим себе? Разве мало таких, кои стоят пред Богом, как заимодавец пред должником? Разве не говорят и многие из вас: «Боже, я пощусь, я хожу в храм, я плачу на логи государству и жертвую деньги Церкви, я не таков, как прочие люди: грабители и клятвопреступники, безбожники и прелюбодеи, которые мне досадили. Куда Ты, Боже, смотришь? Почему ты их не умертвишь, а меня не наградишь за всё то, что я для Тебя делаю? Разве Ты, Боже, не видишь чистоты моего сердца и здоровья моей души?» Но знай, что «ни Бог тебя, ни ты Его не обманешь» (изречение блаженного Максима, память 11 ноября. Вот и иные его изречения: «Всяк крестится, да не всяк молится»). «Фарисей — это тот, кто «по бороде Авраам, а по делам Хам»).

Иоанн Креститель, величайший из рожденных женами, устрашался близости Христа, говоря, что недостойн, наклонившись, развязать ремень обуви Его. Грешница умывала ноги Христовы, обливая их своими слезами. Итак, истинный молитвенник глубоко смирен и полон радости, если Бог допустит его хотя бы к ногам Своим».

Каждый священник сталкивается

со случаями, когда люди подходят к исповеди и начинают уверять, что они соблюдают все посты, живут праведно и благочестиво, в отличие от окружающих. В таких случаях иерей вынужден бывает горестно вздохнуть и сказать:

— Я вижу, вы не готовы к исповеди, ибо исповедь есть признание в своих грехах, а не любовование своим благочестием. Отойдите и поразмыслите об этом.

Святой праведный Алексий Московский (Мечев) в своей проповеди говорил: «Дорогие! Пред нами в жизни две дороги: мы или пойдём стопами фарисея к собственному покою, внешнему почёту, ко всему, чем питается тщеславие и услаждается гордость, или же вступим во следы мытаря с его сокрушенным сердцем, смиренным духом, заставляющим его в смущении пред живою совестью опускать глаза долу, в сокрушении бить себя в перси.

Первый путь земного бла-

гополучия — путь погибели в вечной жизни; второй, стезя горькая и тёмная здесь, — приведёт нас к источнику света и правды. Избегайте фарисейской гордости, которая искушает и низвергает людей в погибель, делает их слепыми. Ведь слепой не видит путей и спотыкается. Не образ ли это нам и современной нашей жизни? Слепота наша в том, что считаем себя зрячими: слишком горды мы. Мы всё видим, всё переживаем, только не видим греха своего, и оттого слепы и грех остаётся в нас! Фарисейство — наша слепота губительная. Всякий фарисей, оставь свою гордость, приди со смирением мытаревым ко Христу, и в Нем найдешь просвещение».

А вот наставление святителя Феофана Затворника: «Вчера учило нас Евангелие неотступности в молитве, а ныне учит смирению или чувству безправности на услышание. Не присваивай себе права на услышание, но приступай

к молитве, как никакого внимания недостойный и дающий себе дерзновение отверзть уста и вознести молитву к Богу по одному безпредельному к нам, бедным, снисхождению Господа.

И на мысль да не приходит тебе: я то и то сделал; подай же мне то-то. Всё, что бы ты ни делал, почитай должным; ты должен был всё то сделать. Если бы не сделал, подвергся бы наказанию, а что сделал, тут не за что награждать, ничего особенного не явил ты. Вон фарисей перечислил свои права на услышание — и вышел из церкви ни с чем».

Молитва мытаря «Боже, милостив буди мне грешному» — это отчаянный стук в двери Божий. И если человек произносит эти слова искренне, из глубин души, Господь примет такую молитву.

Будем же и мы, начиная подготовку к Великому посту, каждый день входить в Мир и в храм с молитвой мытаря!

ПОЧЕМУ Я ВСЁ-ТАКИ НЕ РАЗВЕЛАСЬ

Чувство «не люблю» бывало настолько сильным, что я физически не могла переносить собственного мужа. Казалось, что любовь точно больше не придет в такое пустое, измочаленное сердце. Но как же мы мало знаем про любовь, оказывается!

Я замужем 17 лет и, кажется, только сейчас понимаю, что такое семья, что такое любить.

То, что мы испытывали друг к другу поначалу — безумная зависимость, когда разлука на ночь рвала сердце, когда обнимать хотелось поминутно, когда все вокруг измерялось его отношением, настроением, — оказывается, это была не любовь. Нетерпение сердца? Влюбленность, страсть? Все вместе — огонь, такой же сильный, как при высокотемпературной сварке, огонь, который может уничтожить... если длится долго. Но он никогда не бывает долгим. Потому что он нужен только, чтобы при-

варить друг к другу два разных по структуре материала.

Разных? Совершенно разных. Он технарь — я музыкант. Он любит пиво с вяленой рыбкой и считает мою любовь к розам пошлостью. Он смотрит по ТВ подряд все футбольные матчи — я покупаю абонемент в филармонию. Он спорит пол ночи на интернет-форумах о чем угодно — я не могу успокоиться, пока не ототру все панели на кухне от жира. Он воспитывает сына «по-мужски», давая ему оплеухи и повторая «не мели чушь», — я сижу с мальчиком до полуночи, выслушивая историю про первую влюбленность неслышным шепотом... пото-

му что если разбудим папу, то нам мало не покажется. Мы совершенно, ужасно разные...

Мы очень, очень, очень часто ссорились. Скандалили, выбивали двери и глотали таблетки, и вообще, чего только у нас в жизни не было, стыдно признаться. Мы столько сказали друг другу ужасных слов! Мы столько простили друг другу — обид, предательств, подлости... Мне казалось, что до знакомства с ним я была довольно спокойным человеком, а стала форменным психом. Он считает, что он был добрым, а это я довела его «до ручки»... Сколько раз я задавала себе один и тот же вопрос: зачем мне это нужно? Почему я рядом с этим человеком? И часто находила такой ответ: потому что только он, с его любовью ко мне, может даже болезненной, с его требователь-

ностью ко мне же, — что-то мог сделать со мной, изменить меня... Но были и другие периоды — когда ответа на этот вопрос не было, только какое-то упрямое упорство, бездумное, оловянное, инертное, не давало все разрушить. Или не получалось? Слишком крепка была та старая сварка?

Мы несколько раз чуть не развелись. Один раз он не дал мне уйти, другой раз я изо всех сил не давала распасться браку. Но были периоды и потяжелее, растянувшиеся на годы. Когда чувство «не люблю» было настолько сильным, что физически не могла переносить собственного мужа. Казалось, что любовь точно больше не придет, ну просто не может прийти в такое пустое, измочаленное сердце. Но как же мы мало знаем про любовь, оказывается!

Что-то всегда оказывалось сильнее наших эмоций, наших сиюминутных желаний и обид — наличие детей? Страх остаться без того, кто так долго рядом? Какая-то неведомая, мощная сила? Помню, как, поругавшись еще в эпоху студенческих ухаживаний, мы разошлись в разные стороны, колесили по городу... и вдруг случайно встретились в другом районе. Так и всю жизнь: мы колесим по каким-то неведомым городам своих заблуждений, упрямства, эгоизма... и снова нас Кто-то сводит, сталкивает нос к носу, будто снова и снова говоря: ты — для него, а он — для тебя.

Я часто слышу мнение, что люди не меняются, что после восемнадцати (версия — после семи) лет измениться невозможно: что вложили в тебя, то и есть. Это чушь, люди меняются, и довольно сильно. Но это происходит не сразу, это очень-очень долгий процесс... просто у кого-то не хватает терпения дождаться не то что его конца, но даже начала. Я постоянно слышу отголоски распавшихся браков: «Как он может так с тобой поступать? Как ты это терпишь? Зачем?» И гордые девушки, не позволяющие «с собой так поступать», разводятся, остаются

одни, завязывают вторые браки, третьи... Да, что-то терпеть и что-то допускать действительно нельзя. Но сначала нужно посмотреть — а сама-то я идеальна? А права ли стопроцентно в этой ситуации? А была бы эта ситуация столь острой, если бы я вела себя в ней правильно? Лично я за эти годы поняла, что должна стать идеальной, почти святой, и вот если и тогда он останется таким же «гадом»... ну, тогда можно будет подумать о разводе. Но вот какая штука — так пока ни разу не удалось хотя бы чуть-чуть стать идеальной... Эх, чему только не пришлось научиться! Готовить ужин ровно к его приходу, класть трубку на рычаг телефона, когда его ключ поворачивается в скважине, не играть на фортепиано, когда он смотрит футбол, не разговаривать с родителями своих учеников дольше пяти минут, не орать на детей через комнаты, не смотреть тупые сериалы, молчать, когда он воспитывает сына, не пережаривать картошку и, если пережарю, готовить новую... И вот когда множество таких мелких и крупных штук нанизывается на ниточку лет, а он все так же может сорваться после работы из-за пустяка — накатывает отчаяние, кажется, что это предел... но вот тут-то вдруг замечаешь, что малюсенько, тихохонько... но меняется и он. Не устраивает сцену, что я снова пришла поздно с концерта, — а просит купить билет и идет со мной (кто бы сказал десять лет назад — Филя на концерте в филармонии! А я ведь так и не смогла заставить себя сходить хоть на один его футбольный матч). Или вдруг покупает мне хлебобулочку, хотя всю жизнь твердит, что я заставила бытовую техникой всю кухню, а готовить так и не научилась... И вот такие мелкие, а иногда крупные его шажочки навстречу мне — как оазисы, как неожиданная радость, которая согревает душу надолго.

Мне часто старые приятельницы при встрече задают вопрос: «А ты все с Филиппом? Вы не надоели друг другу?» Меня даже не злит

эта глупость. Мы не можем надоесть — мы как космос: бесконечно открываемся друг другу, меняемся — навстречу друг другу. Будто два разных металла прорастают друг в друга какими-то неведомыми слоями, меняя свою структуру, чтобы стать не искусственно спаянными извне, а естественно изнутри — одним целым.

Не то чтобы у нас уже все прекрасно. Бывают и сейчас срывы. Но все чаще кажется, будто я двигаюсь к какой-то сияющей двери, она еще далеко, но даже лучик, долетающий от нее, заставляет радостно сжиматься сердце. И я когда-нибудь дойду до нее... и он... с двух сторон наших темных и запутанных городов, чтобы дать наконец друг другу руки с полным доверием, взглянуть в лицо друг другу без тени какой-либо обиды и шагнуть за ее пределы... чтобы слиться там воедино. Именно с ним.

ДУХОВНАЯ ЛЕСТВИЦА

ПОСЕЩЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ РАЗВЛЕЧЕНИЙ

Допустимо ли для христианина, стремящегося идти путем стяжания Святого Духа Божия, посещение театров, цирка и других мест развлечений? Приводим ниже мнения по этому вопросу как св. отцов Церкви, так и современных духовных пастырей и подвижников благочестия. В отношении к современным им постановкам у всех у них нельзя найти двух мнений. Они отвечают первыми словами первого псалма пророка Давида; «Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых и не стоит на пути грешных и не сидит в собрании развратителей, но в законе Господа воля его и о законе Его размышляет он день и ночь!» (Пс. 1,1—2). Много места посвящено вопросам о зрелищах в сочинениях Тертуллиана, св. Киприана Карфагенского, св. Василия Великого и, в особенности, св. Иоанна Златоуста. Следует указать, что отцы Церкви предостерегали не только против грубых, безнравственных зрелищ — цирка и состязаний, но также и против театра комедии и драмы. Лактанций пишет: «Надобно избегать всякого рода зрелищ, дабы они не вызвали беспокойных волнений в душе и дабы... не отвлекали нас от служения Богу и от исполнения добрых дел». «Положим, — пишет Тертуллиан — что на зрелищах происходят иногда вещи, в самом деле, приятные, простые, скромные, не бесчестные. Но вспомним, что обыкновенно яд смешивается не с желчью, а с сладкими и вкусными жидкостями. Так всегда диавол поступает: он кроет смертельный яд свой в яствах наиболее приятных и лакомых. Обра-

щай внимание не столько на удовольствие, сколько на опасность, неминуемо сопряженную с этим удовольствием». Св. Иоанн Златоуст так рисует состояние духа человека, возвращающегося из театра: «Ты уходишь, получив множество ран... жена кажется тебе не так приятною, а дети несносными... дом отвратительным и обыкновенные заботы беспокойными, и всякий приходящий — обременительным и несносным... Не отсюда ли брани и ссоры? Не отсюда ли бесчисленные неприятности?» Вот образ духа человека, обольщенного прелестью жизни, виденной им на сцене, раздраженного и не довольного действительностью, которая кажется ему теперь досадной и скучной.

Считая несовместимым ремесло актера со званием христианина, в первые века Церковь подвергала актеров отлучению. А св. Иоанн Златоуст даже запрещал христианам общение с ними или вкушение вместе пищи. Благочестивые миряне первых христианских веков чуждались театра. Такова, например, была Нонна — мать св. Григория Богослова. В отношении же клириков имелось запрещение им посещения театров. Это запрещение так поясняется о. Александром Ельчаниновым: «Почему священники не ходят в театр? Самый принцип театральности отвергается Церковью. Запрещаются маски, ряжения, переодевание в костюм другого пола, так как все это подделка, двусмысленность, фальшь. Даже смотрение на это — какое-то участие. Что же касается актера — то с чем большим увлечением

ХРАМЫ НАШЕГО ГОРОДА

ХРАМ ПРП. СЕРАФИМА САРОВСКОГО

Богослужения в этом храме совершаются ежедневно.

Вечернее Богослужение начинается в 16.00, начало утреннего Богослужения в 8.30.

Служащими священниками являются игумен Иоасаф, иерей Павел.

Храм находится по адресу проспект Тлендиева 8 (по Астраханской трассе. Проезд автобусами и маршрутными такси: 4, 8, 16, 109, 113, 120 до остановки «72 квартал»). Тел: 28-95-88.

При храме действует церковная лавка, в которой вы можете приобрести свечи, иконы, книги, а также заказать необходимые требы, таковыми являются: таинство крещения, таинство венчания, таинство соборования, отпевание, а также освящение квартир, офисов, автомашин.

ХРАМЫ НАШЕГО ГОРОДА

ХРАМ СВ. АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

Богослужения в этом храме совершаются ежедневно в 7.00 утреннее и в 16.00 – вечернее. Служащими священниками являются протоиерей Михаил и иеромонах Модест. Храм находится на территории Константино-Еленинского собора, в ограде собора также находится женский монастырь в честь иконы Божией Матери «Взыскания погибших», настоятельницей которого является монахиня Рафаила.

Тел: 53-69-67; 53-72-58.

При храме действует церковная лавка, в которой вы можете приобрести свечи, иконы, книги, а также заказать сорокоусты, молебны, панихиды.

он играет, тем больший ущерб наносит своей душе, поселяя в ней путаницу и ложь». Но не только отцы Церкви первых веков христианских восставали против посещения христианами театра.

Вот что пишет об этом также старец Амвросий Оптинский: «Сцены эти по временам бывают очень грязные. Кроме того, какая обстановка в театре? Светская музыка, не дающая возникнуть в душе человека ни одной духовной мысли, ни одному духовному чувству. А эти рассеянные лица зрителей, переглядывающихся, смеющихся, иногда иронически пересмеивающих друг друга, а при некоторых сценических представлениях приходящих в негодование, выражающееся в бурных криках... Это ли школа нравственности?» Так же мыслил о театре и другой светоч благочестия о. Иоанн С. Вот что пишет он о театре в своем дневнике: «В театре многим приятно чувствуется, а в церкви — тяжело, скучно, — отчего? Оттого, что в театре все прекрасно подлажено чувственному человеку, и диавола мы там не трогаем, и он нам делает удовольствие, не трогает нас: веселитесь себе, друзья мои, думает, — только смейтесь, да Бога не помните... Театр и церковь - противоположности. То — храм мира, а это — храм Божий; то — капище диавола, а это - храм Господа». Некоторые могут возразить — а как же не оценивать такие, например, постановки, как «Царь Иудейский»? Такие постановки были и ранее очень редки, а теперь - тем более. И если они являются редкими исключениями, то исключения, как говорится, подтверждают лишь общее правило. Во всяком случае, как пишет епископ Аркадий Лубенский: «Всякие развлечения и зрелища вредны для христианина хотя бы по следующим трем причинам: 1) Они крадут у человека драгоценное для него время, которого едва ли

кому хватит для главной цели — очищения себя от греха и приобретения добродетелей. Так, многие из подвижников благочестия умирали с мыслью, что они «еще не начинали дела спасения своей души». 2) Развлечения приучают человека к праздности. После обманчивой сладости зрелищ трудно возвращаться к тяжелому труду, к молитве и духовному подвигу. 3) Зрелища приучают человека к сильным ощущениям, отчего наступает некоторое пренебрежение к собственной тихой жизни: хочется включиться в бурный водоворот жизни. Часто зрелище вредно действует и на нервную систему».

Учитывая мнение св. отцов Церкви и старцев последнего времени о вреде зрелищ, следует оговориться, однако, в отношении к современным, таким широко распространенным развлечениям, как радио, телевизор и кино. В последних ставятся научные фильмы. Кроме того, из отдельных уголков мира имеет место и передача христианских общественных богослужений, проповедей и духовных концертов. Это одно из счастливых исключений, однако, в наше время, когда телевидение и кинематограф преимущественно насаждают в обществе культ силы и разврата, мнению св. отцов нужно последовать как спасительному предостережению Церкви. Вместе с тем, для всех ли людей вредно развлечение в театре, в кинематографе и у телевизора? На этот вопрос отвечает архимандрит (а ныне архиепископ) Иоанн, выдержки из работы которого «Философия игры» приводятся ниже. «Обессиливание христианского общества пошло гигантскими шагами с появлением широкой культуры театральных развлечений (кинематографии и телевизоров). Театральный психический гипноз утешения боли мира — вывод из жизни реального мира — усыпляет бодрственное состояние духа человеческого, не

говоря уже о том, что заваливает, массово засоряет его психику настоящим мусором «душевных», безблагодатных переживаний... Отныне узрите, — говорит Бог, — небо отверстым и ангелов Божиих, восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому» (Ин. 1, 51). А христиане еще жадно сидят перед занавесами и экранами, за которыми и на которых их «утешают» животновобразные, а иногда и демонообразные переживания... Жизнь не нуждается в театре. Жизнь — не игра, но истина... В аналогии храма и театра верно лишь: и тот и другой предназначены, чтобы увести человека из того состояния внутренней жизни, в котором он находится. Один — направо, другой налево.

Путь развлечения человека — широкий путь: «Многие идут им» (Мф. 7, 13). Путь служения Богу — узкий, радостный совсем по-иному, и его может понять лишь тот, кого коснулось веяние Духа (оттого пусты храмы): «Немногие находят его» (Мф. 7, 14). Однако архиепископ Иоанн указывает, что все вышеизложенное относится лишь к истинным христианам — «ученикам Слова». Для «внешних» же (1 Кор. 5, 13) театр может быть и полезен, как некое предварительное оформление хаоса души. Так бывает промыслительна для внешних людей война... Для человека, погруженного в развратную, своекорыстную жизнь, война может быть даже единственным средством отрезвления. В этом и смысл войны как промыслительного попущения — отвлечение человека от мелкой себялюбивой жизни к жертвенной; от ада похотей и сластей к граням подлинного бытия. Для христианина же война может быть огрубением, оземлением, погружением в плотскую стихию... То же и в театре. Театр для христианина — духовная болезнь, противоречие устремлениям глубочайших движений его

души; для преступника, черствого эгоиста, для житейской души театр может быть ступенью к духовному благородству. Чем сам по себе театр будет нравственнее, чище, тем более полезен он будет для этих людей. Существенно здесь, чтобы соблюдался всегда основной закон духовного совершенствования: окружение себя обстановкой возвышающей, а не принижающей уровень души. Потому в отношении к так называемым культурным ценностям мира вообще не может быть абсолютных суждений, и узнать их положительный смысл и вес можно только в отношении к данному, определенному человеку, а не комплексу человеческого общества.

Для учеников Слова театр есть духовное ниспадение; для людей плоти он может быть возвышением, восстановлением... Духовная жизнь человека не идет скачками. Лестница духа имеет свои ступени, видимые и невидимые... Театр учит вживаться в чужую жизнь, связывать с ней свое переживание. Вживание это, конечно, «душевное», не причастное духу, но и как таковое, не дающее подлинных знаний душе, оно пробьет кору первобытного ее окаменения. Оттого всякий театр, который не будет разнуздывать низших инстинктов, будет для масс безрелигиозного человечества — хорошим театром. Развлечение — зло для сознательно влекущихся к совершенному добру. Для влекущихся же ко злу, для кипящих даже, может быть, в этом эле, развлечение, отвлечение — перевод стрелки жизни в более чистую и спокойную атмосферу, есть благодеяние и спасение. Здесь раскрывается глубочайшая и совершеннейшая тайна Божьего строительства человеческого спасения. Нельзя исчислить мудрость и промыслительность Божию и использование всего в мире для целей Блага... Но человек должен бодрствовать.

Если ему удастся познание, он не должен застаиваться на ветхих путях своей жизни. Из класса в класс должна переходить человеческая душа. Закваска благодати должна производить органический рост самосознания. «Хлеба и зрелищ!» — это не только отвержение благодатного счастья, но и восстание против пустоты жизни, против несчастья, против холода смерти и последних падений человека, возможных лишь в подполье. И потому христианин, видя зло насквозь, имеет оправдание для мятущегося мира явлений. Христианин не судит мир, он хочет видеть во всем промыслительную, «правую», добрую сторону жизни и изучает лишь Евангельское отношение ко всему. Ибо каждая душа может и должна во благо воспринять все внешнее. Лишь голое зерно греха и сознательное богопротивление могут быть названы хулою на Духа. Театр — апокалиптически неевангеличен, нецерковен, но для тысяч и тысяч апокалиптических людей нашего времени он является их естественной атмосферой, в которой они могут, по своей мере, питаться крохами истины, падающими с Небесной Трапезы, освещаться сумерками — светом, не слишком режущим их привыкший к темноте глаз».

Соглашаясь с мнением о развлечениях архиепископа Иоанна, в отношении христиан можно сделать следующий вывод. Ответ о вреде или пользе развлечений может быть дан лишь индивидуально для каждого человека, в зависимости от его душевного состояния или степени духовного возраста.

Вместе с тем следует учитывать, что надрыв в духовной жизни опасен и несвоевременный подвиг воздержания для невозросшего духовно христианина может принести вред. Господь говорил: «Милости хочу, а не жертвы» (Мф. 9,13) и зовет к полноте отданности Богу лишь «могущих вместить».

Юрий Сергеевич ПИВОВАРОВ,

Доктор политических наук, профессор, академик Российской Академии наук.

ЗАПАДНИКИ И СЛАВЯНОФИЛЫ. ВЕЧНЫЙ СПОР

ТАКИЕ РАЗНЫЕ СТЕРЖНИ

— Юрий Сергеевич, в чем же состоит основное различие взглядов западников и славянофилов?

— Прежде чем я отвечу по существу, хочу внести ясность. Довольно часто слова «западники» и «славянофилы» используются не по назначению. Начнем с того, что западники и славянофилы жили и мыслили в 40-50 годах XIX века. Потом на смену им пришли другие люди, по-своему развивавшие (или отвергавшие) их идеи, но они в строгом смысле слова не были уже ни западниками, ни славянофилами.

Далее: их самоназвания крайне неудачны и не отражают суть дела. «Славянофилы» не потому славянофилы, что так уж любили славян, а «западники» не потому западники, что предпочитали народы Западной Европы. Просто так уж сложилось: кто-то кого-то так назвал, кто-то повторил — и пошло-поехало. Та же история, например, произошла с терминами «большевики» и «меньшевики» или с «евразийцами». Очень неточные названия, но яркие, запоминающиеся.

Следующее, о чем надо сказать. Раскол русской мысли на западников и славянофилов произошел на рубеже 30-х и 40-х годов XIX века. Это было время, когда русская политическая и философская мысль только-только зарождалась. Так вот, в определенном смысле можно сказать, что идейный спор западников и славянофилов, случившийся в самом начале русской мысли, предопределил все ее дальнейшее развитие.

И, наконец, то, о чем часто забывают (или вообще не знают): если о славянофилах можно говорить как о более или менее целостном явлении, то западники — это пестрый

Говоря о том, какую роль может сыграть Православная Церковь в жизни современного общества, невозможно обойти вниманием спор славянофилов и западников. Кем же были эти люди и отчего по их поводу бытует столько ложных стереотипов? Об этом существуют разные мнения, но очевидно, что поставленные ими вопросы до сих пор остаются актуальными. Почему?

Об этом мы беседуем с известным историком и политологом, академиком Юрием Сергеевичем ПИВОВАРОВЫМ.

конгломерат. Славянофилов, при всех их различиях, можно представить как единую компанию, но западников — совершенно невозможно. Это зачастую абсолютно несовместимые люди. Например, Тимофей Грановский, благостный, верующий московский профессор — и Михаил Бакунин, анархист и атеист. Можно и другие имена назвать: Герцен, Белинский, Сергей Соловьев, Кавелин, Чичерин... Это же совершенно разношерстная компания! По сути, западники — это все те, кто не славянофилы.

И вот теперь я могу ответить на Ваш вопрос. Несмотря на все различия в среде западников, было нечто единое, что разделило их со славянофилами. Что же это? Любовь к Западу или нелюбовь к России? Ничего подобного! Различие совсем в другом.

Славянофилы — это то направление русской мысли, которое вернуло ей *теоцентричный* тип мышления. То есть мышление, основа которого — представление о бытии Божиим и о Его Промысле. Все происходящее в земной жизни рассматривается с позиций Жизни Вечной. Для западников же, при всех их колоссальных различиях, было характерно *антропоцентричное* мышление. То есть в основе всего — человек, причем не в вечной, а в земной перспективе.

Такое разделение, конечно, воз-

никло не случайно. В Средние века и русская цивилизация, и европейская были теоцентричными. Тема Богообщения, спасения была смысловым стержнем их существования. Однако начиная с какого-то этапа — историки называют этот момент Новым временем — стержень европейской цивилизации изменился. Запад из теоцентричного становится антропоцентричным. Гуманизм, Ренессанс, «человек — мера всех вещей», политика, интерес к собственному телу, медицина, естествознание, обустройство земной жизни — вот что вышло на первый план. Бог не был изгнан из этой цивилизации, но Он стал лишь «одним из», то есть важным, но не единственным и даже не самым главным фактором, обуславливающим эту культуру. В России, начиная с времен Петра Первого, тоже разрушается теоцентричная цивилизация, но на смену ей приходит цивилизация не антропоцентричная, а, я бы сказал, *властецентричная*. Власть, могущество государства становится предельной ценностью. Затем, особенно начиная со второй половины XVIII века, находясь в тесном контакте с мыслью европейского Просвещения, русская культура (вернее, культура русской интеллектуальной элиты) становится западно-подобной, то есть антропоцентричной.

И тут на рубеже 30-40-х годов XIX века группа молодых и знатных русских дворян говорит: нет, возможно и по-другому. Они стали возвращать русской культуре религиозное измерение. Строго говоря, еще до них это начали Карамзин и Сперанский (мыслитель глубочайший и до сих пор недооцененный), но в полной мере это сделало поколение славянофилов — Константин Аксаков, братья Киреевские, Юрий Самарин и другие. Фактически именно с этого момента начинается русская религиозная философия. Кстати сказать, вся русская философия — религиозная, другой философии русские не сумели создать. Независимо от того, как к этому относиться, это — факт. Магистральный поток русской мысли после славянофилов — мысль религиозная, теоцентричная. В каких-то аспектах, особенно в социальных, со славянофилами не согласная, но тем не менее именно от славянофилов получившая свое развитие.

Что же касается социальных аспектов, то славянофилы сделали очень важную вещь — они сказали: господа, мы не какая-то отсталая часть Европы, у нас нет задержки в развитии. Мы самоценные, у нас есть свой национальный характер, своя историческая миссия. У других она тоже есть, но она есть и у нас. Не надо смотреть на нас сверху вниз, и мы на вас не будем. При этом мы относимся к себе, к своему прошлому и настоящему предельно жестко, критично, у нас много неправильного, и мы хотим это исправить.

— **А что же западники? В чем проявлялось их антропоцентричное мышление?**

— Вновь отмечу: это люди очень разные, в том числе и по отношению к вере. Среди них были атеисты: Герцен, Бакунин, были идеалисты, например Кавелин, были глубоко верующие люди — тот же Тимофей Грановский; были колеблющиеся, сомневающиеся. Но всех их объединяло то, что во главу угла ставился человек, причем вне связи с Богом. Человек — как некое социальное или же психологическое

явление — то есть человек исключительно в земной перспективе, но не человек, чья судьба обусловлена спасением. При этом не надо думать, будто они считали человека лишь винтиком в общественном механизме — нет, они (Кавелин, Герцен) подчеркивали сложность и глубину человеческой психологии, говорили и о душе, но вне религиозной проблематики.

В этом их основное отличие от славянофилов. Они ведь в основном не о том спорили, хороша или плоха крестьянская община, не о том, считать ли Россию Европой или Азией, самобытны мы или нет. Все эти темы вторичны по отношению к главному — к смысловому стержню цивилизации.

Более того, если брать именно круг социально-исторических вопросов (а именно такие вопросы всего важнее и интереснее тем, кто в наши дни рассуждает о западниках и славянофилах), то многие западники в итоге перешли на славянофильские позиции, например тот же Герцен. Тут и критическое отношение к Петру Первому, и отказ от тотальной критики допетровской Руси, и понимание того, что крестьянская община — это не случайность, что не случайно не складывается в России институт частной собственности, что парламентаризм, партии, конституция — это не русский путь социально-исторического развития, и так далее, и тому подобное.

ИМ ПАМЯТНИКА НЕТ

— **Не раз приходилось слышать мнение, что раз славянофилы — сторонники патриархального уклада, то они были сторон-**

никами крепостного права. Так ли это?

— Абсолютная чушь! Славянофилы не просто были за отмену крепостного права, но многие из них готовили эту отмену на практике. К примеру, известнейший славянофил Юрий Федорович Самарин принимал активное участие в подготовке реформы 1861 года и, собственно, был основным автором проекта освобождения крестьян. Его старый товарищ (и идейный противник!) Николай Платонович Огарев, находясь в Лондоне в эмиграции, писал о работе Самарина в комиссии по подготовке отмены крепостного права: «В мужиках же только барин — Юрий Федорыч Самарин». «В мужиках» — в том смысле, что интересы крестьян в этих комиссиях отстаивал только Самарин.

Между прочим, Самарин не только разрабатывал теоретические основы освобождения крестьян, но и обосновал их, так сказать, экспериментально. Будучи богатым помещиком, он в своих имениях в Самарской и Московской губерниях на практике осуществил переход крестьян от крепостного состояния к свободному. А впоследствии он же занимался проблемами местного самоуправления, был теоретиком и практиком земского движения, по-

тому что отмена крепостного права подразумевала и развитие местного самоуправления. Так что можно сказать, что в России крепостное право было уничтожено по славянофильскому рецепту. Я бы им, славянофилам, памятник за это поставил, поскольку все мы в большинстве своем — потомки русских крепостных крестьян.

Есть лишь одно высказывание у славянофилов, что крепостное право, быть может, не стоит отменять столь поспешно. В одном из своих писем Иван Васильевич Киреевский высказывает опасение, что непродуманное проведение этой реформы может впоследствии привести к страшным социальным катаклизмам. И нужно сказать, что Киреевский был в своем предположении отчасти прав — ведь и революция 1917 года, и предшествующая ей революция 1905 года были во многом обусловлены недостатками реформы 1861 года. Это совсем не умаляет роли Самарина и других славянофилов, ведь далеко не ко всем их предложениям власть прислушивалась.

ВЫШЛИ ИЗ ДОВЕРИЯ

— **А как вообще относилась к ним государственная власть? Считались ли они некой проправительственной партией?**

— Славянофилы фактически находились в оппозиции, и власть относилась к ним с большим подозрением — тем более что после декабрьского восстания 1825 года империя сделала ставку не столько на русскую аристократию, сколько на чиновничество и прибалтийское дворянство, которое считалось более верным короне.

Между прочим, тот же Юрий Федорович Самарин был арестован, просидел несколько дней в Петропавловской крепости, его лично допрашивал государь Николай Первый. Дело в том, что Самарин служил чиновником в Риге и написал «Письма из Риги», которые современники сравнивали по их пронзительности с работами Паскаля. Смысл этих писем сводился к тому, что Россия должна всерьез заняться своими окраинами. Вот

взять тот же балтийский край. Там крестьяне-латыши и крестьяне-эстонцы хотели перейти из протестантизма в Православие — таким образом они вышли бы из-под давления протестантского балтийского дворянства, которое их эксплуатировало. Самарин считал, что правительство должно способствовать этому переходу, в нем он видел гарантию того, что этот край не уйдет от нас, что он не станет враждебен России (которой действительно нужен выход к Балтийскому морю).

Так вот, власть арестовала его за это! Николай Первый не хотел ссориться с балтийскими баронами. И, допрашивая Самарина, сказал замечательную фразу: «Вот вы-то думаете о России, а мы думаем о государственных интересах». То есть точно отделил глобальные интересы России от текущих интересов государственной власти.

Гонения, впрочем, были и на Алексея Хомякова, и на Константина Аксакова. Сейчас могут показаться смешными и поводы к этим гонениям, и их масштаб. За то, что человек не бреет бороду (а дворяне тогда *обязаны* были брить!), его сажают под домашний арест, запрещают через генерал-губернатора читать славянофильские стихи. Что это за гонения по сравнению с трагическим опытом XX века, с ГУЛАГом? И тем не менее — это показатель того, что власть относилась к славянофилам с подозрением, что своих она в них не видела, не считала необходимым на них опираться.

Это ведь ложный стереотип, будто славянофилам власть потворствовала, а западников притесняла. Наоборот, до определенного момента власть скорее прислушивалась к западникам, потому что западники настаивали на величии Петра Первого, а тогда ведь был культ Петра. То есть западники отстаивали официальную позицию. Кого-то мои слова могут шокировать, но славянофилы по сути были *либералами*. Они были за естественные формы развития, за минимизацию государственного контроля всего и вся.

А что касается отношения вла-

сти к западникам, то вот лишь один пример: виднейший западник Александр Иванович Герцен был до 1863 года властителем дум в России, и государь Александр Второй открывал заседания кабинета министров словами: «Все ли прочли последний выпуск «Полярной звезды»?» Правда, после польского восстания 1863 года, когда Герцен поддержал поляков и осудил Россию, отношение к нему кардинально изменилось, но до этого момента он был крайне популярен.

НЕ РУПОР ЦЕРКВИ

— **Традиционно считается, что славянофилы в своих богословских сочинениях выразили глубины православного вероучения. А как их воспринимала Церковь? Считала ли она славянофилов своими?**

— Это тоже легенда. На самом деле взаимоотношения Русской Церкви и русской религиозной мысли всегда были довольно напряженными. Кого-то это может удивить — ведь многие, глядя со стороны, до сих пор считают, что русская религиозная мысль и Православная Церковь едва ли не тождественны. Они ссылаются на то, что целый ряд выдающихся русских мыслителей (особенно в первой половине XX века) стали священниками или монахами. Сергей Булгаков, Павел Флоренский, Алексей Лосев... Ничуть не бывало! Церковь во все времена весьма осторожно относилась к богословским исканиям светских философов, и зачастую эта осторожность была вполне оправданной.

Что же касается славянофилов, то в их времена — в 40-50-е года XIX века — Православная Церковь не играла особой роли ни в публичной сфере, ни в интеллектуальной жизни общества. Она жила своей жизнью, а культурное образованное общество — своей.

Заслуга славянофилов в том, что они, особенно братья Киреевские, стали возвращаться в Церковь. Возвращаться от немецкого романтизма, от немецкой философии — к изучению отцов Церкви, к патристике. Они первыми навели эти мосты

между русской интеллектуальной элитой и Церковью. Но для Церкви они были людьми, которые пришли туда за Истиной, а не теми, кто принес в нее Истину. Церковь не считала их своим рупором в обществе, не делала на них ставку. Да и вообще не слишком-то их знала. Вот характерный пример: Юрий Федорович Самарин умер в 1876 году в Берлине после несчастного случая от заражения крови. А священник по-сольской церкви (а другого православного храма тогда в Берлине не было) отказался его отпевать — так вышло, что пропали его документы, а без документов, мол, не положено. В результате Самарина отпевали в лютеранской кирхе.

— **А верно ли, что западников и славянофилов разделяло и диаметрально противоположное отношение к Западу?**

— Люди, которых мы сейчас называем славянофилами, были тогда в России лучшими знатоками Европы. Можно сказать, что они были большими западниками, чем сами западники. Они, как и все тогдашние образованные люди, знали множество языков, часто и подолгу бывали на Западе, многие из них там учились, имели тесные интеллектуальные связи с Европой, прекрасно ориентировались в тамошней культурной жизни. Вообще, я не знаю другого поколения русских интеллектуалов, которые столь глубоко впитали западную культуру. Влияние западных идей на славянофилов было огромным. Если тот же Герцен воспринимал Запад на довольно поверхностном уровне — социально-политическом, экономическом, то славянофилы шли вглубь западной культуры, постигая ее религиозные основы.

«НЕРУКОПОЖАТНЫЕ»

— **А каковы были личные, человеческие отношения между западниками и славянофилами?**

— Это была, говоря сегодняшним языком, одна «тусовка». Примерно одинаковый возраст, один и тот же социальный круг. Кстати, и славянофилы, и западники — это преимущественно московское явление, большинство из

них жило в Москве, было тесно связано с Московским императорским университетом: почти все они там учились, многие преподавали. То есть изначально это была одна компания.

А потом они разошлись. И поскольку большинство из них были людьми глубоко идейными, честными, открытыми и возвышенными натурами, то свои идейные расхождения они восприняли предельно серьезно, это для них была страшная драма, они глубоко переживали свой разрыв. И в какой-то момент они расстались, сделали друг для друга, как сейчас сказали бы, «нерукопожатными».

В разных источниках описываются душераздирающие сцены, как, случайно встречаясь, они бросались друг другу на грудь, плакали, но после этого говорили, что всё между ними кончено и что впредь они общаться не будут. Между прочим, точно такие же расставания случались и в среде западников, которая, как мы помним, была очень разнородной.

Но вот характерный пример. В 1860-х годах, уже после польского восстания, Юрий Федорович Самарин приехал в Лондон, где жил в эмиграции Герцен. Общаться с ним было весьма опасно, но Самарин послал ему письмо — давайте встретимся. И вот они встречаются в гостинице, обнимаются, плачут — и часами спорят. Ни к какой единой точке зрения не приходят: Самарин считает, что Герцен своими действиями разжигает гражданскую войну в России, а Герцен уверен, что Самарин, участвуя в восстановлении административного управления в Польше, предаст идеалы свободы. Но какая между ними глубочайшая любовь, какая привязанность, уважение!

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ МАССОВКА

— **Как трансформировались споры, начатые западниками и славянофилами, в последующие времена — и особенно в наши дни?**

— Конечно, с уходом поколения славянофилов и западников вопро-

сы, поставленные ими, продолжали волновать мыслящих русских людей, поэтому дискуссии на эти темы продолжают вплоть до наших дней и, думаю, будут продолжаться впредь.

Однако уровень этих дискуссий зачастую оставляет желать лучшего — планка понижается.

Во-первых, когда дискуссия расширилась, пошла в массы (а этого не могло не случиться, ведь мировоззренческие вопросы интересуют не только великих мыслителей, но и, скажем так, «интеллектуальную массовку»), она измельчала, и друг другу противопоставлялись не подлинные идеи славянофилов и западников, а некие примитивные, карикатурные представления.

Проще говоря, сейчас нет ни Хомякова — с одной стороны, ни Герцена — с другой. Связано это с общим понижением культурного уровня. Не случайно XIX век называют золотым веком русской культуры. Ведь только долгая, медленная, кропотливая культурная работа может привести к появлению каких-то вершин — интеллектуальных, эстетических, духовных. А после того, как весь XX век Россия занималась самоуничтожением, гении появляются слишком редко, если же и появляются, то *вопреки* нынешнему вектору культурного развития. Пушкины и Хомяковы, Герцены и Самарины рождаются только в глубоко рафинированной среде, которая складывается десятилетиями. Конечно, бывают исключения, ведь Дух Божий дышит, где хочет, и поэтому в наши дни тоже появляются таланты и гении, но это единичные случаи, а среды, из которой бы они выросли, все равно нет.

Во-вторых, понизился не только уровень понимания предмета — понизилась и общая культура дискуссии. Я уже говорил, с каким огромным уважением воспринимали своих оппонентов и славянофилы, и западники. Сравните это с той злобой, с тем ядом, который изливали друг на друга лет двадцать назад публицисты в толстых журналах разной идейной ориентации. Кто-то из них считал себя наследниками

славянофилов, кто-то — западников, но они были лишь карикатурой и на тех, и на других. То же самое происходит и сейчас: карикатурные «западники» воюют с карикатурными «славянофилами», а то, что на самом деле думали западники и славянофилы, их не очень-то интересует.

Для контраста вспомним полемику между Андреем Дмитриевичем Сахаровым и Александром Исаевичем Солженицыным. Очень сильно упрощая, можно сказать, что Сахаров продолжал традицию западников, а Солженицын — славянофилов. Так вот, они с пиететом относились друг к другу. Да, они критиковали друг друга в подпольной независимой печати и в западных газетах и журналах, но их идейный спор никогда не переходил на личности. То есть все зависит от калибра людей. Но калибр, к сожалению, тоже мельчает.

— Порой приходится слышать от церковных людей, что настоящий православный человек просто обязан быть славянофилом и ни в коем случае не должен разделять идей западников — иначе его вера ущербна. Как Вы относитесь к такому мнению?

— Я отвечу, наверное, грубо: это попросту глупость. А причина ее в том, что в сознании таких людей выстраивается неправильная

иерархия ценностей. Что главное для верующего православного человека? Вера в спасающего нас Христа, исполнение Его заповедей, любовь к ближним, внимание к своей духовной жизни — или учение славянофилов? Ответ очевиден. Даже если брать богословские вопросы, которые разрабатывала славянофильская мысль — вопросы о соборности, о понимании свободы и так далее, — все равно они не являются центральными для религиозного сознания.

Другое дело, что всякий культурный человек в России должен знать хотя бы в самых общих чертах то, что привнесли в отечественную культуру и славянофилы, и западники, но это — вопрос культурной, а не религиозной идентичности. Да, наследие славянофилов может быть для верующего человека актуальным в том числе и для его религиозной практики, но ставить знак равенства между принадлежностью к Православию и согласием с идеями славянофилов — это чудовищно!

— А все-таки зачем современному человеку знать идеи славянофилов? Только для повышения собственного культурного уровня — или есть какая-то иная польза?

— Польза есть. Славянофилы и западники жили и мыслили полтора века назад, но очень многие их

идеи и прозрения продолжают оставаться актуальными. Мы вот постоянно спорим, как обустроить Россию, — и зачастую изобретаем очередной велосипед. Вспомните, какие огромные надежды лет 15-20 назад мы возлагали на западные политические механизмы: на демократию, многопартийность, парламентаризм. И не понимали, что просто вот так взять и пересадить их на нашу почву их нельзя — не приживутся. А еще полтора века назад Юрий Федорович Самарин говорил своим оппонентам: не торопитесь с введением конституции, русский народ не достиг еще того уровня социально-политического развития, когда он действительно может избирать. Если вы сейчас это сделаете, то всё разрушите, потому что власть в выборных органах захватят какие-то определенные круги, к примеру, дворянство, недовольное реформой 1861 года, или быстро разбогатевшее (а потому малоответственное) купечество, и так далее. И разве история не подтвердила его правоту? Разве не выродились на нашей почве и парламентаризм, и партийное развитие, и прочее?

Многие предупреждения славянофилов пережили свое время, они остаются актуальными и сейчас. Надо только их всерьез прочитать и понять.

ТРАДИЦИИ ПРАВОСЛАВНОЙ РУСИ

ШИРОКАЯ МАСЛЕНИЦА, ТЫ С ЧЕМ УЙДЕШЬ?

Всем известна разухабистая песня Ерёмки из оперы русского композитора XIX века Александра Николаевича Серова «Вражья сила»: «Потешу я свою хозяйку, возьму я в руки балалайку», — и дальше следуют вопросы к масленице: «Ты с чем пришла? Ты зачем пришла? и ты с чем уйдёшь?»

«Велики мои проводы, поведут вон из города на санях на соломенных да с упряжкой мочальной... с бородой кудельною, с головою похмельною, с кафтанам

Александр Юрьевич ЛУКИН

пропитыми да с носами разбитыми...»

Ничего не попишешь, такое отношение к масленице в нашем народе: гуляй напропалую, ешь, пей, веселись. Завтра наступает Великий пост — ничего этого уже не будет!

Такое же отношение к времени, предшествующему Великому посту, у большинства христианских народов мира. У католиков, к примеру, масленица называется ещё более выразительно — карнавал. Слово это буквально происходит от латинского отчаянного вопля: «Мясо, прощай!» — «Carne, vale!» И вот, горюя о предстоящем великопостном воздержании, европейцы бешено предавались веселью, обжорству и пьянству.

Из Европы карнавал перекочевал в Америку, где родилось такое известнейшее явление, как бразильский карнавал в Рио. Правда, в нынешней безбожной Европе, да, наверное, и в Южной Америке, карнавалы уже не в преддверии Великого поста, а так — по традиции. В Бразилии скачут и пляшут полуголые, а то и почти голые. В Венеции наряжаются в красивые пышные одежды, надевают причудливые маски, порой страшноватые. Но едва ли по ту и другую сторону Атлантики после карнавалов прекращают вкушать скоромную пищу.

Да и у нас большая часть русского населения не постится. Хотя в последнее время иногда приходится слышать, как продавцы жалуются: «С этими постами, будь они неладны, продажи мяса падают!»

Но обычай бурно проводить масленицу, чисто языческий, соблюдают все. Это, пожалуй, единственный праздник, который несёт в себе столь яркие языческие черты: проводы зимы, сожжение её соломенного чучела, пляски, гулянья...

Для православного человека масленица — приурочивание к Великому посту. Для истинно верующего и соблюдающего православные обычаи человека это не дни отчаянного набивания брюха, а радостная пора подготовки к встрече святой Четыредесятницы.

«Радость моя, наступает пора покаянная...», — поёт в одной из своих дивных песен иеромонах Роман (Матюшин).

Кстати, само название «масленица» не такое уж и древнее. В письменных источниках оно появляется с XVI века, во времена Ивана Грозного. Ранее неделю перед Великим постом называли, как и сейчас в церковной среде, сырной седмицей.

Обычай соблюдать сырную седмицу появился в VII веке при византийском императоре Ираклии. Воюя против персидского царя Хозроя, Ираклий дал обет Господу, что, если Бог пошлёт ему победу, он перестанет есть мясо в последнюю неделю перед Великим постом. Победа была одержана и обет соблюден. А затем он вошёл в обычай. Церковь одобрила этот постепенный переход к великопостному воздержанию. Семь дней перед святой Четыредесятницей можно есть всё, кроме мяса.

Каждый день масленицы, как известно, имеет своё наименование и значение. Это хороший обычай, но соблюдать его надо тоже по-христиански.

Понедельник называется «встреча». Можно уже начинать печь блины. В древности их пекли как символ весеннего солнца. Ничего дурного в этом символе нет. Блин и впрямь похож на солнышко, а когда он горячий — на летнее солнышко. В старые времена блины, испечённые в первый день масленицы, относили нищим, заключённым, лежащим в больни-

цах. Прекрасный обычай. Неплохо бы его и сейчас соблюдать!

Вторник называется «заигрыши». Молодёжь с утра каталась с гор, веселилась. Праздник набирал обороты. Приглашали вечером на блины в гости родных, знакомых, близких по роду или по духу.

Среда носит название «лакомка». По обычаю, зять шёл есть блины к теще. А в храмах уже начинают читать великопостную молитву великого восточного подвижника IV века преподобного Ефрема Сирина с поклонами: «Господи и Владыко живота моего, дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия не даждь ми! Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй ми, рабу Твоему. Ей, Господи Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего, яко благословен еси во веки веков. Аминь».

Широкая масленица, про которую в опере Серова поёт Ерёмка, — это четверг. В старину народ в этот день, как сейчас говорят, «отрывался по полной». Катания с гор, на качелях-каруселях веселье, кулачные бои, так хорошо показанные в фильме Никиты Михалкова «Сибирский цирюльник». Что ж, в сей день не грех и попить. Но помните, что ни в одном своём уставе и постановлении Церковь не даёт благословения на обжорство и пьянство.

Пятница — «тёщины вечёрки». На сей раз зятя приглашали тещ на блины. Так же, как и в среду, полагается угощаться вечером, а днём поститься.

Суббота — «золовкины посиделки». Невестки угощают золовок, то есть сестёр своих мужей. Веселье ещё продолжается, но уже начинает гаснуть. Ведь послезавтра уже Великий пост!

Наконец, наступает последний день масленицы — «Прощёное

воскресенье». Все говорят друг другу:

- Прости меня, Христа ради.
- Бог простит, и я прощаю.

Мне этот масленичный обычай кажется самым красивым, самым трогательным.

В последний день масленицы ещё можно и повеселиться, и попить, но лучше не увлекаться. А то бывает так, что накупят всего, не съедят, а на другой день жаль выбрасывать. Великий пост уже наступил, а надо вчерашнее доедать. И кто-нибудь один говорит:

— Ладно, возьму этот грех на себя. Не такие уж мы богатые, чтобы выкидывать.

Бывает и хуже: настал первый день Великого поста, а человек ещё мучается похмельем — так рьяно отгулял масленицу!

Лучше в Прощёное воскресенье быть поскромнее и уже ограничить себя в пище, забывать про мирское веселье, думать о завтрашнем дне, готовиться к возвышенному, небесному веселью духа, которое приходит к нам вместе с началом божественного воздержания.

В старину по окончании сырной седмицы ещё кадили благовониями, изгоняли из домов разудалую масленицу, чтобы пахло в доме там не яствами и напитками, а ладаном. Многие теперь вернулись к этому доброму обычаю.

Чем больше человек воцерковлён, тем меньше в нём тяга к бурному проведению сырной седмицы. Хочется поста, ждёшь его, как доброго друга, желающего тебе настоящего блага.

Если есть возможность съездить на сырной седмице в Египет — побывайте у христиан-коптов, вы будете удивлены. Они не веселятся. Копты, в отличие от всех остальных христиан, масленицу и карнавал не празднуют, а сырную

неделю они взяли и «приплюсовали» к Великому посту. Так что он у них начинается на неделю раньше. В коптских монастырях в последнюю неделю перед Четыредесятницей уже усердно молятся и даже никого к себе не пускают: ни гостей, ни туристов, ни паломников.

Конечно, я не призываю к такой же строгости. Но умеренность во время масленицы доброму христианину не повредит. Кстати говоря, на то, что седмица перед Четыредесятницей — это уже лёгкий пост, указывает церковное восприятие в это время заключать браки. В каноне среды этой седмицы, для примера и поощрения готовящихся к посту, Церковь прославляет ветхозаветных святых, пребывавших в подвигах аскетизма. В сырную пятницу вспоминаются крестные страдания Спасителя, а в субботу Церковь творит память всех святых преподобных и богоносных мужей и жен, просиявших постом, и синаксарь (собрание сведений о святых лицах и праздниках) в эту субботу начинается стихами: «Душам праведным, их же память припносно пребывает: жертвы покаяния приношу словеса».

Кроме того, в Неделю мясопустную читаются слова апостола Павла из послания к римлянам: «Ночь убо преиде, а день приближися. Отложим убо дела темная, и облечемся в оружие света (13, 12). Ядый не ядущего да не укорят; и неядый ядущаго да не осуждает» (14, 3).

Обычай прощать друг друга перед Великим постом — древнейший. Он оставлен нам первыми отцами-пустынниками Египта. А при Иване Грозном он так описывался: «Митрополиты, архиепископы, епископы, благословиша Царя и прощение подаша

ему, а архимандриты, игумены и честные старцы также прощение подаша ему и от него прощение купно получиша; получив же благословение и прощение к подвигу постному, тшашеся духовный подвиг святых Четыредесятницы совершити».

О церковном воспоминании изгнания прародителей из рая в сырную неделю говорит в письме своём об уединённой жизни Александрийский Патриарх Феофил, живший ещё в IV веке по Рождестве Христовом. Святитель при вступлении в Четыредесятницу, говоря о важности пост; и молитвы, представляет в пример пощения ветхозаветных постников: Давида, Ананию, Азарию, Мисаила. А святой Григорий Нисский при вступлении в Четыредесятницу поучал: «Все вы, любящие Бога паче, нежели удовольствия чрева, с радостью и благодушием вступите во дни поста. Может ли называться мужественным тот борец, который еще при начале подвигов обнаруживает скорбное малодушие? Не печальтесь подобно детям, ведомым в училище, не ропщите на дни очищения».

В Прощёное воскресенье в церквях вспоминается изгнание прародителей наших Адама и Евы из райских кущей. Синаксарь в Неделю сырную начинается словами: «Мир с родоначальники горько да восплачет: снедию сладкою падший с падшими».

На литургии в воскресный день сыропустной седмицы словами Евангелия Церковь благовествует нам о том, что нужно для получения от Бога прощения грехов во время поста и как должно поститься.

И просьба к ближним: «Простите меня, грешного!» - лучшее начало для духовного очищения перед Великим постом!

ПОСЛЕ РАНЕНИЯ, ИЛИ КОГДА БОГ БЛИЗКО...

Я подорвался на mine при выполнении боевого задания во время четвертой командировки в Чечню. Под моим командованием в тот момент находилось шестнадцать ребят, я шел первым и напоролся на мину.

После взрыва ребята кинулись ко мне, но я крикнул: «Стой!». И только затем разрешил подойти одному — четко по моим следам, чтобы без потерь. Он едва успел перевязать меня, как противник, пытаясь организовать окружение, открыл огонь. Началась многочасовая перестрелка.

Окончательно пришел в себя на больничной койке. Вспомнил, что при взрыве мне оторвало правую ногу. Но не сразу понял, что второй ноги и правой руки тоже больше нет — их не удалось сохранить. Как раз в тот день наш санитар заболел и не смог идти с группой на задание. Если бы меня быстрее доставили в госпиталь, если бы в бригаде медиков оказался нейрохирург, то, возможно, все сложилось бы по-другому.

Мне было двадцать семь лет. Как я теперь? Это был главный вопрос, и я думал о нем, думал... Но ответ никак не находился, и тогда я решил отложить его на потом, а пока делать то, что нужно в моем положении.

В военное училище я поступил в девятнадцать лет. В голове — сплошная романтика. Хотелось самосовершенствоваться, выжать из себя все и превзойти собственные силы — стать таким супермощным сверхчеловеком. Началась физическая подготовка, тренировки на выносливость. Было непросто, но постепенно стало приходить и ощущение успеха — я чувствовал, что все получается.

Я с благодарностью вспоминаю училище, своих преподавателей. Они служили действительно по призванию. Для них слова о чести и достоинстве не были пустым звуком: Родину нужно защищать. Другой не бросают в беде. На войне я понял, как мне повезло с училищем и с учителями: они сумели пере-

дать нам буквальный смысл этих фраз и тем самым подготовить к тому, что пришлось пережить. Наверное, не случайно, что из всех училищ Внутренних войск наши офицеры-выпускники чаще всего становились генералами.

За два года службы в армии можно научиться держать в руках оружие, выполнять марш-броски, действовать по команде. Но за это время морально для войны не созрешь. Война — это когда постоянно стоишь перед лицом смерти. Главное в таких условиях — остаться человеком и самим собой, не потерять рассудок. А это очень непросто, когда видишь мертвыми тех, с кем только что делил котелок или разговаривал еще пять минут назад. Но на войне уже некогда рассуждать: зачем я здесь? как мне с этим жить? И если вся жизнь тебя к войне не подготовит, то невозможно будет пережить ее и остаться человеком.

А что значит быть морально готовым? Я считаю, что, как это ни парадоксально может показаться на первый взгляд, главное для этого — любовь. Любовь к матери, к Родине, к семье. Это то, что воспитывается в нас с детства. И если это есть, то уже не будешь думать: правильно ли, что я сражаюсь за это? Надо ли? Потому что ты защищаешь свое родное — то, что дорого, то, что любишь. Разве это не справедливо — спасти мирных жителей от боевиков, наемников? Разве предотвратить хаос, беспорядки, убийства — это не доброе дело?

И вот когда всей жизнью своей ты готов быть на стороне добра, защищать его, то, значит, ты готов ко всему, в том числе и воевать. А на самой войне уже совсем другие мысли. Вот там уже невозможно с утра до вечера ходить и думать: я здесь, чтобы Родину защищать, я здесь, чтобы Родину защищать... Когда ты на войне, то думаешь о более простых вещах: как людей своих сберечь, как задание выполнить, как не подставить товарища.

Вскоре после ранения мне позво-

нил мой командир Н. А Нечвидов, которого я считаю своим учителем. И я сказал ему, что хочу служить дальше. Он ответил: «Будешь служить». Конечно, это не могло быть только его решением, но в этом ответе была уверенность, и она сильно поддержала меня, потому что такой человек слов на ветер не бросает.

Затем приехала моя жена. Мы поженились незадолго до той последней командировки. Теперь я считал, что просто не вправе удерживать ее, молодую красивую женщину, и с комом в горле попытался прогнать. А она сказала, что никуда от меня не уйдет, что обязательно родит мне доченьку и что все будет хорошо.

После такой поддержки я почувствовал в себе силы встать на ноги. Почти год учился ходить на протезах. Потом вернулся на службу — работал в отделе дознания отряда специального назначения «Русь». Затем ушел на пенсию и сейчас работаю в отделе экономической безопасности одного крупного предприятия — нужно обеспечивать семью: жену и сына, ему сейчас три года.

Я очень долго не решался задать себе вопрос: почему это со мной случилось? Зачем? И вот что могу по этому поводу сказать сейчас. Инвалидом я себя не считаю. Вспоминаю об этом только тогда, когда смотрю в зеркало — что за «чудо» получилось. Да, я потерял ноги, руку, но я нашел больше. И ныншний я себе больше нравлюсь. Я был жестче к людям, самоувереннее и думал только о физическом самосовершенствовании. А после ранения понял, что Бог хочет, чтобы каждый из нас прежде всего спас свою душу, и неважно, насколько ты сильный и ловкий, есть у тебя ноги или нет. Главное, чтобы в душе ты был человеком.

После ранения я почувствовал, что Господь близко — и как важно, что Он есть в моей жизни. Настолько важно, что можно отдать за это многое, очень многое. Каждому даются испытания по силам. Видимо, для меня цена была такой.

Газета "Астанайский Православный Вестник" зарегистрирована Министерством культуры, информации и общественного согласия Республики Казахстан.
Регистрационное свидетельство №1787-Г от 5 марта 2001 г.
Газета отпечатана в тип. ТОО "Жарқын Кө". Тираж 1000 экз.

Издание Константино-Еленинского кафедрального собора г. Астана, 2010 г.

Дорогие братья и сестры, напоминаем вам, что в Константино-Еленинском соборе находится почтовый ящик нашей газеты, в котором Вы можете оставить свои вопросы и пожелания.
Дорогие братья и сестры! Просим Вас не использовать газету для хозяйственных нужд